

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ

В статье поднимается проблема переоценки ценностной ориентации в современной эстетике и поворот к неопрагматической эстетике тела. Автор статьи пытается найти философское обоснование новым тенденциям эстетического «телоцентризма».

Ключевые слова: неопрагматическая эстетика, органическое тело и «неорганическое тело цивилизации», А.Г. Баумгартен, Р. Шустерман, популярная музыка, рэп.

Поводом к написанию данной статьи послужили размышления, вызванные идеями современной неопрагматической эстетики, в частности сомаэстетики американского философа Ричарда Шустермана, которая «должна примирить идею различий тела и свободу вкуса с противостоящими ей утверждениями об объективности норм и нужд тела, что подогревает полемику вокруг дистинкции «природа/культура» [2, с.405]. Автор новой теории прагматической эстетики строит свою концепцию на основе широкого практического видения эстетики, методологической опорой которой выступает возрожденная и переосмысленная эстетика Александра Готлиба Баумгартена, синтезированная с философскими идеями Джона Дьюи и Мишеля Фуко. Не ставя целью представлять аналитику сомаэстетики Шустермана, скажу о том, что его эстетические рассуждения отражают всеобщую, мировую ценностную ситуацию, характеризующуюся так называемым «телоцентризмом», кульгом «тела цивилизации» и телесности как таковой, принадлежащей чувственной разумности как некоей природосообразности человеческого существования.

Так что же особенного Р.Шустерман обнаружил в недооцененной эстетике Баумгартена, уступившей первенство «Критике эстетической способности» И.Канта, что и направило эстетические взгляды американского исследователя по новому прагматическому руслу? К Баумгартену сейчас как раз своевременно следует обратиться, поскольку в этом году мы отмечаем 300 лет со дня рождения Баумгартена – родоначальника эстетики как науки.

Известно, что Баумгартен выделил из философского знания новую философскую дисциплину – эстетику, используя древнегреческое слово *aesthesis* (эстетизис), как науку о чувственном по-

знании, высшей целью которого является красота. Древнегреческий «Эстетизис» (айстетизис), означает чувственное восприятие, т. е. способность человека распознавать формы бытия на основе органов чувств, интеллекта и эмоциональной реакции. Эстетическое, по Баумгартену составляет «низшую способность» гносеологии, но оно необходимо в перспективе познающего мир субъекта: эстетика (как теория свободных искусств, наука о низшей способности к познанию, искусство красиво мыслить и искусство мыслить по аналогии) есть наука о чувственном познании. Баумгартен предполагал, что эстетика даст развитие нескольким направлениям в области гносеологии: «снабжение науки чувственными данными как «хорошим материалом для исследований»; позиционирование особого сорта чувственного восприятия как «пригодного» объекта науки; «продвижение науки за пределы изучения исключительно ясного (логического) восприятия»; обеспечение «хорошего основания для любой созерцательной деятельности и свободных искусств» [2, с. 381]. Р. Шустерман подчеркивает мысль Баумгартена о том, что совершенствование чувственного восприятия дает преимущество не только в мышлении, но и в практической деятельности, в жизни вообще и что Баумгартен предписывал эстетике «широкомасштабную утилитарность», ее прагматический потенциал, что и подсказало автору новой теории «тему культивации тела». Ведь чувственное восприятие и соответственно чувственное познание, рассуждает неопрагматик, зависят от состояния тела: как оно функционирует, ощущает себя, не страдает ли. Баумгартен, с одной стороны, указывает на чувственную утилитарную эстетику и, с другой – отказывает эстетике как теории, исследующей феномен тела. Он идентифицирует тело с низшими способностями восприятия, плотью, подчеркивая разрыв с высшей, ра-

ционально-логической способностью, разумом. Очевидно, Баумгартен следует принятой пиетической, религиозной традиции, для которой «низшие способности, плоть («*facultates inferiores, caro*»), пишет он, (А, §12), не должны быть возбуждаемы в их и без того извращенном состоянии, но контролируемы, усмирены и надлежащим образом направляемы эстетическим воспитанием» [2, с. 383]. И, тем не менее, как говорил Баумгартен: философ тоже человек и не может отстраняться от исследования чувственной способности человека в границах гносеологии, отделяя эстетику от уже состоявшихся в его время таких научных дисциплин как поэтика, риторика, логика. Целью эстетики выступает совершенство чувственного познания, подразумевающее красоту.

Реконструируя баумгартеновскую эстетику, несмотря на то, что сам Баумгартен сконцентрировал внимание в эстетике на способность мыслить образами, Шустерман заключает, что его цель «воскресить баумгартенову идею эстетики как улучшающую жизнь когнитивную дисциплину» и предложить направление исследований, ориентированных на изучение тела, способных внести вклад в философское знание, в саму философию, изначально трактуемую как искусство жизни. Сомаэстетика – «многообещающее исследование опыта и рассмотрения тела как локуса чувственно-эстетической оценки и творческого само моделирования» [2, с. 386].

Внимание к телесности, «телоцентризму», усиливающееся с начала XXI века, как я полагаю, имеет вполне оправданное научное объяснение. Во многом это объясняется развитием эволюционной теории Вселенной в науке, которая доказывает остротой чувствительного восприятия с помощью специальных технических достижений, а не просто природными человеческими органами чувств, интересом к телесному космосу, который «рассматривают длинные щупальцы» науки. По-новому трактуется взгляд на человеческую историю, детерминированную неустанно разрастающимся телом цивилизации.

Согласно В.С. Степину, бытие человека определено его «особой телесностью, включающей два взаимосвязанных компонента: биологическую организацию человеческого тела и его «неорганическое тело» [1, с. 20]. Под «неорганическим телом» подразумевается «продолжение» че-

ловеческой телесности посредством орудий труда – это «неорганическое тело цивилизации», когда в историческом процессе в производственной деятельности создаются функционально пригодные формы человеческого бытия. В этом процессе эстетическое как ценностное отношение к миру и выражающее тяготение к совершенному одной стороной обращено к биологическому телу человека, а другой – к «неорганическому телу цивилизации», сотворению полезных вещей, к эстетике дизайна. В расширяющемся пространстве неорганического тела цивилизации растет востребованность в дизайнерской деятельности, падает интерес к чистой классической эстетике, ориентированной на красоту метафизическую, духовную, на «искусство в мире прекрасного», на «антиэнтропийный смысл красоты». Более привлекательной становится физическая красота и всё чувственно прекрасное/безобразное, что связано как с биологическим телом человека, так и с его продолжением. Трагикомическая ситуация (в смысле большой человеческой иронии) современного цивилизационного мира заключается не в противопоставлении двух тел – природного биологического тела человека и неорганического тела цивилизации, а в их вращении, отсюда, на мой взгляд, выступает сближение двух форм познания: научного и художественного, подчас псевдо – или около-художественного. С одной стороны, неорганическое тело цивилизации, новые технологии жизни, внедряются в биологическое тело – идет поиск продления жизни красоты телесной, природной, «живой красоты». С другой стороны, человеческое тело наслаждается изобретенным им самим неорганическим телом цивилизации, т. е. продуктами цивилизации и дизайна, и не очень озабочено сохранением этой самой жизни, «живой красоты». Смысл эстетического в современном цивилизационном мире смещается в полюсах духовно-телесного пространства. Если ранее смысл эстетического можно было узреть в стремлении к совершенству, вечной красоте, гармонии как принципе вселенского бытия и социального космоса человека, в тяготении к сбалансированному сочетанию прекрасного / безобразного, возвышенного / низменного, трагического / комического, поэтического / прозаического, гармонического / дисгармонического, аполлонического / дионисического в искусстве жизни, когда эстезис и логос были противопостав-

лены друг другу, то теперь многое переосмысляется, меняя полюса в искусстве жизни. Коммерческие интересы брендов, ориентированных на неорганическое тело цивилизации и извращенные страсти людской плоти, биотехнологии в биоэстетике не поглотили бы хаосом формы человеческого бытия? Образно говоря, если вообразить весь цивилизационный глобализирующийся мир как большой симфонический оркестр, то эстетическое начало, выступавшее в роли дирижера, призвано было донести слаженное смысловое прочтение творения до всех участников единого созидательного процесса. Теперь полюса меняются, встает проблема некоммуникабельности в инновационном пространстве. Обратимся далее вновь к неопрагматической эстетике в поисках доказательства конфликтной эстетической ситуации на конкретном примере.

Так, например, новая прагматическая эстетика ставит целью объяснить смысл появления и существования современного популярного искусства, в частности, хип-хопа и рэпа. Переосмысливая искусство в свете неопрагматической эстетики, озабоченной живой телесной красотой, Р.Шустерман выступает защитником легитимности современного хип-хопа, эстетики повседневности, новых форм художественного выражения, не принимаемых сторонниками классических, традиционных форм искусства и соответственно континентальной европейской аналитической эстетикой. В искусстве сложилась острая ситуация, которая в современной эстетике и искусстве представляется актуальной, приобретая социально-политическую окраску и этическую значимость.

Современная прагматическая эстетика, в отличие от сложившихся моделей классических философских эстетических теорий, трактуя эстетику как искусство жизни, ориентирована на «демократическое переосмысление искусства вообще». В частности, она претендует на рассмотрение способов эстетизации этики и позиционирует эстетику этически и политически в том смысле, в каком поднимает вопросы мотивов насилия, жестокости, преступности – то, что нередко звучит в музыке рэпа и культуре хип-хопа. Рэп (англ.: стук, удар, говор) – своеобразная песня, ритмичный монотонно-резкий речитатив с броской, вызывающей, режущей подачей слова, сопровождаемый тяжелым ударным битом, появившийся в США в среде афроаме-

риканцев, стремительно и глобально распространяющийся с конца XX века, стал носителем иного представления об истине и красоте. Однако столкнулся с социально-политической силой, с неприятием эстетического содержания враждебно настроенной американской критики, выносящей свой отрицательный вердикт в теле- и радиопередачах особенно тем рэперам, кто ассоциируется с «андеграундом» и не предоставляющей эфирного времени. Песня рэпа, со своей стороны, усиливает вызов, отстаивая легитимность эстетико-художественного статуса, прибегая в песнях к словам насилия: «Вы говорили, что это не было искусство, / так теперь мы – готовы разорвать вас на куски», а в ответе противников рэпа звучит: «Ты можешь даже быть ранен, мой друг» [2, с. 329].

Замечу, что символическое противостояние посредством текста песни и жесткого бит-ритма музыкального сопровождения тем не менее не безобидно, угрозы жестокости и борьбы переходят подчас границы, выливаясь в реальность. В современном социо-цивилизационно-культурном пространстве со смещением полюсов тело/духа, виртуального/реального легко перейти границы, ведь неорганическое тело цивилизации, врезаясь в биологическое или «притупляет» чувствительное сознание или оборачивает его другой стороной, как отмечено выше. Причем мы не можем точно прогнозировать и давать однозначную оценку, мы размышляем.

Американская неопрагматическая эстетика говорит о том, что популярное искусство, включая рэп, не лишено недостатков и пороков, оно требует усовершенствования. Вместе с тем нельзя не считаться с его эстетической ценностью, которая заключается в сильном социокультурном воздействии.

Новая прагматическая эстетика призывает признать художественность и творческие ценности популярного искусства, определяющего стиль жизни молодых. Она указывает, что произошел разрыв между природным и культурным, между элитным, катарсически и возвышающе воздействующим искусством меньшинства, и массовым, чуть ли не наркотически биовоздействующим, искусством большинства, это состояние, или скорее процесс (что опаснее), внутреннего противоборства. Рэперы не чувствуют гармонии, устойчивости мира и видят истину и красоту по-своему, наоборот, в дисгар-

молчаливом отсутствии своего места в мире – это то, о чем они информируют нас в песнях. Этот процесс эстетикам надлежит не только отслеживать, но принять и позитивно направлять.

В чем же социально-политическая сила рэпа, хип-хопа, за что американское общество, на словах утверждающее либеральную демократию, а на деле практикующее цензуру и акты запрета рэпа, противопоставляя его вечному высокому искусству? Как пишет Шустерман, это несмотря на то, что большинство американцев эстетическое удовольствие получают от популярной культуры, рэпа. А сила его в способности влиять на социальное настроение и его последствия. По словам музыкального обозревателя «New York Times», рэп «самый быстрорастущий жанр народной музыки и излюбленный саундтрек миллионов слушателей» [2, с. 329].

Прагматическая эстетика призывает прислушиваться к большинству, к тем, кто принял поп-музыку, и «даже если мы не любим рэп сам по себе, – пишет американский эстетик Р.Шустерман, – то мы должны принимать его инструментальное значение в сохранении традиции инновационной черной музыки, которая создала ритм, блюз и рок – музыкальные жанры, чья популярность среди белого населения абсолютно беспорна» [2, с. 331]. Эстетика как академическая дисциплина отстраняется от поп-музыки, хип-хопа, рэпа как от чуждого ей словесно-музыкального звучания и недостойного философского содержания, в то время как рэперы заявляют о необходимости верно понимать рэп, вошедший в индустрию популярной музыки как самосознательный, самоутверждающийся вид искусства, имеющий, на их взгляд, эстетическую и художественную ценность.

Когда-то, обращаясь к эстетике Т. Адорно, скажем, что популярное искусство критиковалось как коммерциализированное, относящееся к развлекательному искусству, теперь же оно, по мысли прагматической эстетики, должно получить художественный статус, эстетическое признание, иначе оппозиционно настроенные рэперы не исключают жестокие формы борьбы, защищая права хип-хопа, требуя достойное эстетическое признание правящими кругами американского общества.

Как полагает неопрагматическая эстетика, задача эстетиков и этиков, интеллектуалов, учитывая то, что современному рэпу пока еще не

многим более двадцати-тридцати лет и он набирает силу, его необходимо совершенствовать. Но как? Мы исходим из того представления, что любая музыка содержит общечеловеческие ценности либо антиценности, она обращена к нам и требует ответа. Когда-то, в век Просвещения один из французских просветителей, Б. Фонтенель спрашивал: соната, чего ты, хочешь от меня, непонятная, инструментальная музыка? Так и мы задаемся вопросом, чего хочет песня «рэпмановской молодежи», обращенная к обществу. Я неоднократно утверждала, что в исследованиях, посвященных музыкальному искусству, важно осмыслить связь музыкально-субстанционального бытия и музыки как явления искусства с миром человека, ее миссию, связь с ценностями духовного мира человека: «Нас интересует музыка не сама по себе, а в своей значимости для человека, так, как она вошла в человеческое бытие и как человек пребывает в мире музыки» [6, с. 13, 414; 4, с. 511; 5, с. 77].

Чтобы понимать новые эстетические процессы, вступающие в нашу жизнь, пожалуй, следует не отгораживаться от чуждой для интеллектуалов культуры, не отстраняться от проблемы «свои и чужие» в современных формах маргинального или концептуального искусства, нередко социально политизированного, а погрузиться в дискуссию, теорию и практику. И вообще обратиться к недооцененной социально-политической роли искусства, как формирующей образ, вкус и стиль жизни, а не стоять на позиции пренебрежительного отношения к некоммерческому искусству разных типов в культурно-коммуникативном пространстве и времени.

Что значит искусство в жизни человека и общества с точки зрения проблематики освоения современного коммуникативного пространства? Искусство существует как один из способов быть в мире, оно есть не только чувственное выражение духовного опыта человека, но и интуитивного постижения мира. Можно и так сказать: искусство – это то, чем питаются духовно и культивируют человека и общество. Искусство – необходимость. Сущность искусства эстетическая, хотя оно может функционировать в разных целях человеческого бытия. В своей коммуникативной функции «искусство выступает способом эстетического, ценностного взаимодействия человека с миром: 1) с самим собой, 2) с обществом, 3) со всем универсумом» [3, с. 131].

Возникает вопрос: интеллектуально-разумное, осведомленное участие философов, эстетиков, социологов и политиков в дискурсах о современной молодежной музыке, популярной культуре рэпа изменит ли противостояние хип-хопа и высокого искусства, изменит ли ситуацию, связанную с воспитанием вкуса и отношением большинства к высокому искусству? И, претендуя на высокохудожественный статус, усовершенствованная культура хип-хопа сможет ли в будущем заменить миссию высокого искусства в мире прекрасного, социально-значимого в этико-эстетическом плане? Во всяком случае, пока на лицо мы видим со-

циально-политическую значимость искусства хип-хопа и бит-сигналы рэпа. Можно сказать, что музыкальная эстетика рэпа по стилю и смыслу музыки, характеру и содержанию текста указывает на некоммуникабельность, невозможность диалога, нежелание идти на диалог, нежелание понимать и принимать другого, не слышать другого. Эта музыка одиночества, разрыва и взрыва, связанного с тем, что происходит сейчас в глобальном мире, в болезненном переходе полюсов телесного и духовного, взаимопроникновении органической и неорганической «телесности» человеческого бытия.

10.06.2014

Список литературы:

1. Степин, В.С. Цивилизация и культура / В.С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2011.
2. Шустерман, Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства. Научная монография / Р. Шустерман. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012.
3. Коломиец, Г.Г. Искусство как способ быть в мире или к вопросу о коммуникативной функции искусства / Г.Г. Коломиец // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 7. – С. 158–162.
4. Коломиец, Г.Г. Ценность музыки: философский аспект / Г.Г. Коломиец. – Москва, 2009 (Изд.3-е).
5. Коломиец, Г.Г. Философско-антропологический статус музыки: аксиологический аспект / Г.Г. Коломиец // Вестник Московского университета. – Серия 7: Философия. – 2006. – № 5. – С. 73–94.
6. Коломиец, Г.Г. Концепция ценности музыки как субстанции и способа ценностного взаимодействия человека с миром: дис. ... док. филос. наук / Г.Г. Коломиец. – Москва, 2006.

Сведения об авторе:

Коломиец Галина Григорьевна, профессор кафедры философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2211, тел. (3532) 372586